

*Геннадий Берестнев
(Калининград)*

ПРИНЦИП АНАГРАММИРОВАНИЯ С ВНУТРИЯЗЫКОВОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ: ФОНЕТИКА, СИНТАКСИС*

Рассмотрены общие условия анаграмматических преобразований с точки зрения комбинаторных фонетических процессов и правил синтаксиса. На этой основе выявляются глубинные познавательные факторы, обеспечивающие общую возможность анаграмм. Таковыми указываются выход за границы темпоральной линейной организации дискурсивных образований и их целостное осмысление на глубинных уровнях человеческой ментальности.

Ключевые слова: анаграммы, фонетика, синтаксис, логика, конверсия, семантика, комбинаторные изменения фонем, метатезы.

Обращение к проблеме анаграмм ставит перед исследователями множество вопросов, от решения которых зависит понимание как самой сути этого явления, так и функциональных особенностей анаграмматических построений. И прежде всего необходимо более глубоко проникнуть во внутреннюю природу анаграмм. Что это: всего лишь утонченная игра авторского ума (осознанная или неосознанная) или нечто большее, отражающее глубинную познавательную природу человека?

© Берестнев Г., 2015

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности» №14-04-00124.

Рассмотрение анаграмм в общезнаковом аспекте позволило выявить некоторые наиболее общие закономерности в этом плане. В частности, обнаружилось, что анаграммы составляют своеобразную когнитивную универсалию — они характерны для разных семиотических кодов. При этом прослеживается второе закономерное условие: данные коды в своих текстовых осуществлениях должны иметь строго линейную организацию. Этому условию отвечают вербальные тексты, музыкальные построения, математические ряды: в них анаграммы прослеживаются вполне отчетливо. Наконец, еще одно обязательное проявление функциональности анаграмм состоит в том, что они резко повышают действие принципа целостного восприятия текста. Внешне сохраняя свою линейную организацию, такой текст на глубинном уровне восприятия преобразуется в некое идеальное целое, играющее роль знака данной анаграммы [2]. Это обстоятельство может расцениваться как свидетельство симультанности содержаний на глубинных уровнях человеческой психики. То, что в языке разворачивается для человека линейно и дискретно, в его психике существует как единое, целостное образование.

Цель данной работы — показать, как принцип симультанности, обеспечивающий возможность анаграммирования в тексте, проявляется на фонетическом и синтаксическом уровнях языка.

Еще Соссюр, разграничивая язык и речь, отметил их связь (ср.: «...надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (*pointe*) для всех прочих проявлений речевой деятельности» [7, с. 47]), но вместе с тем и существенные различия. В частности, язык он определял как некую виртуальную, психическую целостность в сознании человека («...язык представляет собою целостность сам по себе» [7, с. 48]), но вместе с тем как готовый социальный продукт, принадлежащий отдельному человеку лишь в силу отнесенности его к тому или иному социуму. Речь же, по его мнению, характеризуют иные черты: это деятельность, проявляющаяся в сфере реального, она многообразна и разнородна, дискретна¹, индивидуальна и уникальна с точки зрения реализованности — «проявления ее индивидуальны и мгновенны» [7, с. 57]², она постоянно творится человеком — являет собой «индивидуальный акт воли и разума» [7, с. 52].

¹ «...В отношении речевой деятельности членораздельность, — писал Соссюр, — может означать либо членение звуковой цепочки на слоги, либо членение цепочки значений на значимые единицы» [7, с. 48].

² По сути, социальный аспект речи обусловлен наличием в ее основе языка. Сама по себе она индивидуальна и вариативна. «В речи нет ничего коллективного», — подчеркивал это обстоятельство Соссюр [7, с. 57].

Однако более важная черта речи, составляющая форму реализации означающего в языке, — ее линейность. «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, — подчеркивал Соссюр, по сути подразумеваемая речь, — развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение — это линия» [7, с. 103]. Линейность полностью пронизывает речь, с одной стороны, проявляясь в словосочетаниях и предложениях, а с другой — составляя непосредственную бытийную основу звуковой организации отдельного слова. Это должно означать, что слово любого языка в своей звуковой организации и строится, и воспринимается по принципу линейности — от начального звука к последующим. Не случайно также в фонографических видах письма, где фиксируется звучащая речь, начальные звуки или слоги слов графически предваряют последующие, независимо от направления письма³.

Реальные факты, обнаруживающиеся в сфере фонетики и синтаксиса, воссоздают иную картину, позволяющую говорить о неких дополнительных законах, действующих в данной сфере, и эти законы составляют когнитивное обоснование анаграмм. И прежде всего в связи с этим обращают на себя внимание комбинаторные фонетические процессы. Принято считать, что их возникновение обусловлено взаимодействием фаз в произнесении звуков слова: рекурсия предшествующего звука оказывает влияние на экскурсию (а затем и выдержку) звука последующего — ср.: «Одна из причин комбинаторных изменений звуков — артикуляционная связность звуков, особенно соседних, приводящая к тому, что рекурсия (окончание артикуляции) предшествующего звука взаимодействует с экскурсией (началом артикуляции) последующего» [3, с. 232].

Это правило могло бы быть актуальным лишь в отношении контактных процессов, при которых взаимодействующие звуки непосредственно соплагаются в потоке речи — ср.: *везти* [в'иезт'и] > [в'иест'и], *загрузка* > [злгрускл], *ладно* > *ланно*, *трамвай* > *транвай*, *бомба* > *бонба*, *доктор* > *дохтор*, *легкий* > *лехкий*, *сватьба* (от *сватать*) > *свадьба*, *конфетка* > *комфетка*, др.-исп. *senda* > совр. исп. *senda* 'тропа', ранний лат. *impossibilis* > более поздний лат. *impossibilis* 'невозможный', лат. *septem* > ит. *sette* 'восемь' и т.п. Однако существуют и дистантные процессы

³ В идеографическом письме, фиксирующем понятия, то есть единицы мышления, принцип линейности сохраняет свою значимость лишь в приводимых рядах идеограмм, организованных либо по горизонтали, либо по вертикали. В пиктографии же принцип линейности вообще снимается: пиктографическое сообщение понимается в целом, вне правил, связанных с принципом линейности речи, — фонетических или грамматических.

такого рода, при которых взаимодействующие звуки разделены другими звуками с их артикуляциями. При этом расстояние между взаимодействующими звуками может быть разным, разным может быть и характер взаимодействия (ассимиляция, диссимиляция), и направление взаимодействия.

Так, взаимодействующие звуки может разделять один звук — ср.: рус. *хулиган* > *хулюган* (прогрессивная ассимиляция гласных ряду $y...i > y...y$), *маленький* > *маненький* (регрессивная ассимиляция согласных по месту $л...н > н...н$), *прорубь* > *пролубь* (прогрессивная диссимиляция согласных по способу $p...p > p...л$), *врѣльбладѣ* > *верблюд* (регрессивная диссимиляция согласных по способу $л...л > p...л$), *февруарий* > *февраль* (прогрессивная ассимиляция по способу $ф...б > ф...в$), др.-рус. *сочевица* > *чечевица* (регрессивная ассимиляция согласных по способу $с...ч > ч...ч$ и регрессивная ассимиляция гласных по ряду и подъему $о...е > е...е$) и т. п.

Взаимодействующие звуки в слове могут разделять также два любых звука — ср.: рус. *февруарий* > *февраль* (прогрессивная диссимиляция согласных по способу $p...p > p...л$), *млин* > *блин* (регрессивная диссимиляция согласных по способу $м...н > б...н$), *ярмарка* > *ярманка/ярмонка* (прогрессивная диссимиляция согласных по способу $p...p > p...н$).

Взаимодействующие звуки в слове могут разделять три звука, что в еще большей мере ставит под сомнение тезис о непосредственности взаимодействия звуков при комбинаторных фонетических процессах, — ср.: рус. *флюгер* < голл. *vleugel* (прогрессивная ассимиляция согласных по способу $л...л > л...р$), прост. *колидор* < *коридор* (регрессивная диссимиляция согласных по способу $p...p > л...р$), прост. *секлетарь* < *секретарь* (регрессивная диссимиляция согласных по способу $p...p > л...р$).

Все эти факты на самом деле можно объяснить не взаимодействием фаз реальной артикуляции при произнесении звуков слова, а связью звуковых образов в рамках идеальной модели слова или словосочетания, существующих в сознании носителя языка и оказывающих друг на друга влияние, порой простирающееся достаточно далеко. Говоря более определенно, комбинаторные изменения звуков речи протекают не в плане реальной артикуляции звуков, а в плане мысленных представлений о них. Основа для этих процессов — целостность мысли. «Она лишь выражается и воспринимается во времени. Протяженность — это характеристика речи, а не мысли» [1, с. 8]. Это означает, что мысль о звучащем слове составляет целостность, трансцендентную представлениям о времени и линейной организации звучащего слова, а фонетические процессы, протекающие в таком идеальном слове, этой «вневременности» не нарушают.

Другим подтверждением того, что звучащее слово, внешне организованное линейно, на глубинном уровне языковой ментальности но-

сителя языка мыслится как нечто целостное и единое, превосходящее эту линейность, выступают метатезы. И если при этом комбинаторные изменения в звуковом строе слов могут хоть как-то связываться с артикуляциями входящих в их состав звуков, то фонетические перестановки в словах (в русском языке они отмечаются в иностранных заимствованиях или в детской речи) выглядят как ничем не обусловленные, а внешние факторы их появления ясности в этот вопрос не вносят.

Тезис о целостности мысленного образа слов с метатезами подкрепляется тем обстоятельством, что метатезы также бывают не только контактными, но и дистантными. В первом случае меняющиеся местами звуки в паре непосредственно сопологаются в слове — ср.: рус. *нерв* < лат. *nervus* < греч. *νευρον* (*йр* > *rv*), *друшлаг* < *дуришлаг* (*ур* > *ру*), *наждак* < тюрк. *наджак* (*дж* > *жд*), *мрамор* < лат. *marmor* (*ар* > *ра*). Во втором случае между звуками, меняющимися местами в слове, имеются дополнительные звуки. В частности, их может разделять один звук — ср.: *футляр* < нем. *Futteral* (*р...л* > *л...р*), *тарелка* < пол. *talerz*, нем. *Teller* (*л...р* > *р...л*), *Фрол* < лат. *flor, floris* 'цветок' (*л...р* > *р...л*), *тубаретка* < *табуретка* (*а...у* > *у...а*). Звуки в метатезе могут разделять и два звука — ср.: диал. *ведмедь* < *медведь* (*м...в* > *в...м*).

Подобная дистанционированность звуков в метатезе также может быть объяснена только целостностью мысли о слове в сознании носителя языка. Высказывалось мнение о том, что эта целостность диктуется вообще глубинными познавательными основаниями языковой практики человека. «По данным психологии, — писал по этому поводу А. А. Реформатский, — количество и качество элементов, составляющих данное целое, улавливается гораздо скорее и легче, чем их последовательность» [6, с. 210]. Как бы там ни было, возникает впечатление, что перестановки звуков в метатезах, как и в случаях с комбинаторными изменениями звуков, осуществляются внутри мысленного образа слова и обеспечиваются его целостностью, возвышающейся над линейностью слова в речи.

Отмеченная тенденция к симультанности, преодолению линейности развертывания речи и мысленному представлению ее структур как целых прослеживается и на других языковых уровнях. В частности, она проявляется в синтаксисе, единицы которого по самой своей сути ориентированы на речь и потому развернуты в линейности времени. Показательно, что эта особенность высказываний также воспроизвелась иконически в разных видах письма. Независимо от его принципа (идеография или фонография) высказывание воспроизводится

графически как предложение в той же мере последовательно и линейно, в какой темпорально последовательны и линейны реальные высказывания.

Однако мысленные пропозициональные модели высказываний целостны и статичны. Их природа — преодоление темпоральной привязанности речи и преобразование линейности в симультанное целое. «Целостность подавляет протяженность, условно сводя ее к симультанности» [1, с. 8]. Так, высказывание *Котенок пьет молоко* с точки зрения речевого воплощения линейно, но в мысли не просто составляет пропозициональное единство, но обостряет актуальность связей между актантами соответствующей ситуации. Сами же эти актанты могут рассматриваться как элементы некой базовой анаграмматической модели вида «S — V — O», которая в языке может получить следующие реальные воплощения:

1) «подлежащее — сказуемое — дополнение» (SVO) — эта структура типична для английского, болгарского, вьетнамского, индонезийского, русского, финского и др.;

2) «подлежащее — дополнение — сказуемое» (SOV) — в лужицком, турецком, баскском, айнском, арчинском, ительменском, корейском, сомалийском, тибетском, хинди, японском и др.;

3) «сказуемое — дополнение — подлежащее» (VOS) — в языках ва-ри (Южная Америка), тоба (Суматра), ниасском (Индонезия) и др.;

4) «дополнение — сказуемое — подлежащее» (OSV) — в языках кве (Южная Африка), надеб (Бразилия), тобати (Индонезия), вик-нгатан (Австралия);

5) «сказуемое — подлежащее — дополнение» (VSO) — в литературном арабском, гавайском (Океания), ирландском, кельтских языках (валлийский, ирландский, шотландский) и др.;

6) «дополнение — сказуемое — подлежащее» (OSV) — в языках хишкарьяна (Бразилия), шингу-асурины (Бразилия), кубер (Колумбия), мангарайи (Австралия) и др.

Другой аспект преодоления линейности развертывающейся речи на синтаксическом уровне и обращения к принципу симультанности содержания высказывания в мысли проявляется в условиях, допускающих свободный порядок слов в предложении. Известно, что к числу языков, в которых порядок слов является относительно свободным, принадлежит русский. Общая неграмматичность порядка слов в нем доказывается случаями типа *Мать любит дочь*, *Бытие определяет сознание*, *Небо распахнуло солнце*, *Туман разогнал ветер*, *Пуля бойца миновала* и т. п. Формальное совпадение в таких конструкциях слов в именительном (субъектном) и винительном (объектном) падежах, а в последнем

примере — слов в винительном и родительном падежах, имеющих соответственно семантику объекта и принадлежности, не позволяет однозначно говорить об их синтактико-семантической организации⁴.

В этих условиях члены предложения в русском языке составляют, по сути, некий код, реальное осуществление которого зависит от коммуникативных заданий говорящего и, соответственно, от актуального членения предложения. Базовой в таком случае является модель вида «подлежащее — сказуемое — дополнение» (SVO), на основе которой выражается общая информация о положении дел в действительности, — ср.: *Маша ест кашу*. В зависимости от выделения того или иного элемента в данной ситуации (в том числе и посредством фразового ударения) эта модель изменяется — в ней производятся соответствующие «анаграмматические» перестановки. Так, если говорящему нужно выразить мысль о том, что агенсом является Маша и никто иной, высказывание получает вид OVS — *Кашу ест Маша (а не Саша или Сережа)*. Если необходимо выделить предикатный аспект ситуации, в позицию ремы ставится сказуемое, и высказывание обретает вид SOV или OSV — *Маша кашу ест / Кашу Маша ест (а не размазывает ее по тарелке)*. При необходимости противопоставления в рамках одного высказывания двух действий одного агенса может использоваться высказывание вида VSO — ср.: *Ест Маша кашу (а сама думает...)*. В рамках общеинформационной модели объектный компонент ситуации может быть подвергнут специальному выделению — для этого используется фразовое ударение, показывающее его позицию в реме. В результате высказывание сохраняет вид SVO, но его коммуникативная структура оказывается иной — ср.: *Маша ест кашу (а не макароны или рагу)*. Общеинформативная модель при этом становится частноинформативной.

Частное проявление подобных преобразований в синтаксисе, по существу реализующее принцип анаграммирования и показывающее инвариантность глубинных содержаний человеческой психики по отношению к содержаниям языка, составляет явление конверсии. Ключевым в этом плане выступает тезис о том, что конверсные высказывания (предложения) обозначают одну и ту же ситуацию [5, с. 240] — ср.: *Сергей Николаевич — отец Саши* ⇔ *Саша — сын Сергея Николаевича; То-*

---

⁴ Лишь в единичных случаях в русском языке прямой или обратный порядок слов в словосочетании выражает грамматическое содержание. В предложении *За столом сидели семь человек* числительное «семь», стоящее в препозиции к существительному, указывает на точное число лиц. В предложении *За столом сидели человек семь* это же числительное в постпозиции указывает на их приблизительное число. Таким образом, порядок слов в подобных случаях составляет грамматический способ выражения так называемой «категории прилизительности».

поль выше клена ⇔ *Клен ниже тополя*; *Иван женился на Марии* ⇔ *Мария вышла замуж за Ивана*; здесь же — соотносимые конструкции, включающие активную и пассивную залоговые формы глагола, типа *Ассистент принимает зачет* ⇔ *Зачет принимается ассистентом*; *Мать помыла посуду* ⇔ *Посуда помыта матерью*. В случаях подобного рода, по сути, набор актантов соответствующей ситуации составляет своеобразную «анаграмматическую матрицу», принадлежащую глубинному уровню ментальности человека, а конверсные высказывания (предложения) — вариативные осуществления этой матрицы. Так, ситуация, описанная конверсными предложениями *Андрей занял деньги у Петра* ⇔ *Петр одолжил деньги Андрею*, включает четыре актанта: 1) субъект; 2) предикат; 3) объект; 4) контрагент. При этом на языковом уровне *Андрей* в первом случае представлен синтаксически как подлежащее, а во втором — как косвенное дополнение; *Петр* в первом случае — косвенное дополнение, во втором — подлежащее; предикат семантически оформляется соответственно как «принятие» денег или их «отдавание»; прямое дополнение остается неизменным. Эти преобразования могут быть представлены условно в виде числовых моделей «1 — принимать — 3 — 4» и «4 — отдавать — 3 — 1».

Все это показывает, что анаграмматический принцип «игры» элементами имеющегося кода действует также и на синтаксическом уровне языка в силу его линейности. Функциональность этих процессов отличается от функциональности подобных «игр» на фонетическом уровне, однако их глубинные основания одинаковы. Прежде всего, темпоральная протяженность реальных речевых построений в мысли говорящего преодолевается путем обращения к глубинным симультанным структурам, отвечающим целостным представлениям о той или иной ситуации. В разных языках и в речи события действительности описываются по-разному, однако в мысли носителей, то есть за пределами языка, на глубинных уровнях языковой ментальности человека, эта действительность моделируется одинаково. О. Есперсен писал об этом: «Следовательно, приходится признать, что наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка, в том виде, в каком он существует, имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом» [4, с. 57].

Разные речевые построения, развертывающиеся во времени и линейные с точки зрения их внешней данности, в мысли являются знаками единых глубинных мысленных структур, характерную черту ко-

торых составляет выход за рамки представлений о темпоральности. Динамичность речи в реальности оборачивается статичностью и целостностью ее содержательных структур в мысли о ней⁵.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д., Толстая С.М. От редактора // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 5–16.
2. Берестнев Г.И. Анаграмматические построения в аспекте семиотики // Слово.ру. Балтийский акцент. 2014. №3–4. 2014. С. 69–78.
3. Грязнова Н.А. Комбинаторные изменения звуков // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 232.
4. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
5. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1996. С. 210.
7. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Gennady Berestnev

THE PRINCIPLE OF ANAGRAMMING FROM AN INTRALINGUISTIC PERSPECTIVE: PHONETICS AND SYNTAX

This article considers general conditions for anagrammatic transformations from the perspective of phonological processes and rules of syntax, which helps to identify fundamental cognitive factors leading to the possibility of anagrams. These are the transcendence of temporal linear organisation of discursive formation and their comprehensive understanding at deep levels of human mentality.

Key words: *anagrams, phonetics, syntax, logic, conversion, semantics, phonological processes, metatheses.*

---

⁵ Этот переход от темпоральной линейности речи к simultанности мысли является для ментальности человека не просто естественным, но принципиально значимым. Наоборот, потребность в сохранении мысли о темпоральной динамике, в «возвращении» языкового субъекта к представлению о линейности времени привела к возникновению в языке специальных грамматических категорий. Таковы, в частности, глагольное время, глагольный вид и деепричастия с их семантикой относительного времени.